

ХОДОРКОВСКАЯ Б. Б.

К ПРОБЛЕМЕ КОРНЕВОГО ВОКАЛИЗМА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО СИГМАТИЧЕСКОГО АОРИСТА

(Вокализм сигматических образований глагола
в латинском языке)

Вопрос о вокализме индоевропейского (и.-е.) сигматического аориста не имеет в современной лингвистике общепринятого решения. Одни ученые следуют теории классической индоевропеистики о ступени продления, характеризующей формы и.-е. сигматического аориста активного залога и отличающей его от других образований глагола [1; 2, с. 217], по мнению же других исследователей, ступень продления не является его первичным признаком [3, с. 22; 4, с. 47—77; 5; 6]. К. Уоткинс, доказывая возникновение и.-е. сигматического аориста в сфере меди, считает первичной ступень *-e-* вокализма корня [3, с. 22—25]. К. Штрук [7] относит аорист на *-s-* к акростатически акцентированному флексийному типу и поэтому также считает первичной полную ступень его корневого вокализма. Ступень продления в формах активного залога и нулевая ступень в меди появились в сигматическом аористе, по его мнению, вторично в результате морфологических процессов и аналогического влияния корневого аориста.

Ф. Бадер [8, с. 33] считает возможной реконструкцию, по крайней мере для одного глагола (**dhē-* «класть»), двух вариантных основ сигматического аориста, которые различаются степенями корневой огласовки и формой суффикса: I. **dhē-s* с полной ступенью вокализма и суф. **-s* (вед. *dhās*, месоп. *hi-pa-des*) и II. **dhə-es* с нулевой ступенью вокализма и суф. **-es* (хет. *daiš*, др.-фриг. *zδax-*). Ф. Бадер отмечает, что вопрос этот требует еще изучения.

С оценкой своеобразия вокализма и.-е. сигматического аориста связано решение проблемы его происхождения, где также нет единого мнения, и наряду с традиционным доказательством становления категории сигматического аориста в позднем общиндоевропейском языке высказываются предположения о более раннем его происхождении [9, с. 58; 10, с. 193—205; 11].

При решении вопроса о вокализме и.-е. сигматического аориста материал латинского языка привлекался мало, т. к. считается, что вокализм перфекта на *-si-*, продолжающего и.-е. сигматический аорист, совпадает, как правило, с вокализмом презенса [12, с. 592; 4, с. 57]. Однако это совпадение может быть результатом проходивших в истории латинского языка более поздних морфологических процессов. Поэтому при изучении вокализма перфекта на *-si-* необходимо отделить более поздние его формы от древнейшего пласта форм, зафиксированных в наиболее ранних латинских текстах или в глоссах. Подтверждением архаизма этих форм может служить наличие в других и.-е. языках основ сигматического аориста,

соответствующих латинским сигматическим основам. Одновременно это дает возможность контроля над вокалическими соотношениями в латинском языке, который невозможен, если сигматические формы представлены только в одном латинском языке.

Помимо перфекта на *-sī* в раннем латинском языке есть еще один тип сигматических образований глагола, это — формы типа *faxō*, *-is*, *-it*, *-int*. Поскольку по своей первичной функции они сходны с формами будущего II и в римской грамматической традиции интерпретировались, как правило, посредством форм будущего II, то их называют сигматическим будущим. Происхождение сигматического будущего и генетическое отношение его к сигматическому аористу спорны. В свое время Э. Бенвенист, доказывая различное происхождение сигматического будущего в латинском языке и перфекта на *-sī*, указывал на различие корневого вокализма в типе *faxō* и в типе *dixī* [13]. Поэтому параллельное исследование вокализма форм того и другого морфологического разряда необходимо для более углубленного изучения ранней истории латинского глагола. С другой стороны, поскольку формы сигматического будущего стоят вне обычных парадигматических схем и морфологических рядов, они в меньшей степени были подвержены изменениям под давлением системы, и анализ сохранившихся среди них чрезвычайно архаичных структур может дать новые данные для решения некоторых спорных вопросов морфологии и.е. сигматического аориста.

Есть еще один аспект проблемы вокализма латинского перфекта на *-sī* и его отношения к и.е. сигматическому аористу. Известно, что перфект на *-sī*, как и другие морфологические типы латинского перфекта, имеет формы только активного залога. Примечательно, что формы сигматического будущего тоже, как правило, относятся к активному залого. Но во многих и.е. языках, в индоиранских, древнегреческом, тохарских, сигматический аорист (претерит) имеет формы активного и медиального залога, которые различаются по вокализму. Каким же основам сигматического аориста — активного или медиального залога — соответствуют по вокализму латинские сигматические основы? Традиционный и единственный пример соответствия лат. *vēxī* по вокализму др.-инд. *avākṣam* и ст.-слав. *věsъ*, подтверждающий ступень продления в и.е. сигматическом аористе активного залога, не раз оспаривался [3, с. 37; 4, с. 57]. М. Лойман доказывает, что ни у одного латинского глагола ступень продления в перфекте на *-sī* не может считаться первичным признаком [12, с. 593].

Задачей настоящей работы является исследование вокализма латинских сигматических основ в сравнении с соответствующими основами сигматического аориста в других и.е. языках. Для большего удобства описания глаголы распределены по классам в зависимости от структуры глагольного корня: I — корни типа *-eT*, II — корни типа *-eRT*, III — корни типа *-eR*, IV — долговокалические корни.

I класс. Корни типа *-eT*

Clepō, *clepsī*, *clepere* «воровать» (и.е. **klep-* «утаивать, воровать»). В раннем латинском языке помимо перфекта *clepsī* есть форма сигматического будущего *clepsit* [ср. текст архаического закона, который приводит Цицерон в трактате «О законах» (2, 9, 22): *sacrum ... qui clepsit rapistue* «кто украдет или похитит святыню»). Латинской основе *cleps-* соответствует в древнегреческом языке основа сигматического аориста *ἐκλεψα* «украл» с той же огласовкой *-e-* в корне. Основы же презенса рас-

ходятся: греч. $\kappa\lambda\epsilon\pi\tau\omicron$ относится к основам на $*-i^c/o-$, лат. *clepō* к корневым тематическим основам. Наличие в древнегреческом и латинском языках корневых имен: греч. $\beta\omicron\omicron\theta-\kappa\lambda\epsilon\psi$ и лат. *cleps: fur* (ср. GGL V, 349, 51) подтверждает архаичность корня $*klep-$.

Speciō, spexi, specere «наблюдать, смотреть» (и.-е. $*spek̑-$ «наблюдать»). В ранней латыни представлены формы и перфекта на $-sī$ (*spexi*) и сигматического будущего (ср. Плавт «Канат» 679: *si respexes, scies* «если оглянешься, узнаешь»). Латинской сигматической основе *spex-* со ступенью $-e$ вокализма соответствует в древнегреческом языке основа сигматического аориста $\sigma\kappa\epsilon\phi\acute{\alpha}\lambda\epsilon\nu\omicron\varsigma$ (Od. 12, 247).

От и.-е. корня $*spek-$ имеется сигматический аорист в албанском языке — *paše* «я видел», но огласовка корня не вполне ясна: Ю. Покорный [14, с. 984] предполагает в сигматической основе вокализм $-o-$: $*[s]pok̑-s-$, Г. Мейер [15] — вокализм $-a-$: $*pas-še$. Но сам факт, что основа сигматического аориста от и.-е. $*spek̑-$ «наблюдать» представлена в трех и.-е. языках, позволяет считать ее достаточно древней и, опираясь на этимологическое тождество основ в латинском и древнегреческом языках, утверждать изначальную полную ступень вокализма $-e$ — $*spek̑-s-$.

Regō, rēxi, regere «направлять, управлять» (и.-е. $*reg$ «направлять по прямой линии»). Мы следуем мнению тех исследователей, которые утверждают вторичность долготы $\bar{e}$ в *rēxi* и объясняют ее или аналогическим влиянием корневого перфекта $-rēgīt$, еще употреблявшегося в ранней латыни, или действием закона Лахмана [3, с. 31; 4, с. 58; 12, с. 593; 14, с. 854]. Латинской исторически более ранней основе с кратким $-e$ ($*rēxi$) соответствует в древнегреческом языке основа сигматического аориста $\rho\epsilon\gamma\acute{\epsilon}\chi\alpha$. От того же и.-е. корня $*reg-$ имеются формы сигматического претерита в тохарском языке: тох. В 3 л. ед. ч. акт. зал. *rekša*, тох. А *rakāš*; изначальный вокализм их подвергся значительному изменению вследствие слияния сигматического аориста с перфектом [16], но само наличие этих форм подтверждает древность сигматического аориста от корня $*reg-$ в и.-е. языках.

Edō, ēdi, edere «есть» (и.-е. $*ed-$ «есть»). В ранней латыни встречается форма сигматического будущего от корня $*ed-$ в комедии Плавта «Менехмы» 611: *at tu ne clam me comesses prandium* «а ты не съдай завтрак тайком от меня». Двойное $-ss-$ указывает на краткость корневого гласного в форме *comesses*, т. е. основа $*ed-s-$ представлена с полной ступенью вокализма. Этой латинской основе соответствует в древнеирландском языке основа сигматического конъюнктива глагола *ith-* «есть»: $*ed-s-$, ср. 3 л. ед. ч. $-estar$, 1 л. мн. ч. $-essamar$ и т. д. [17, с. 435; 3, с. 140; 10, с. 199]. Этимологическое тождество сигматической основы $*ed-s-$ в латинском и древнеирландском языках и структурное сходство ее с рассмотренными выше основами сигматического аориста $*klep-s-$, $*spek̑-s-$, $*reg-s-$, образованными от и.-е. корней того же типа $-eT$, позволяет видеть в $*ed-s-$ отражение основы и.-е. сигматического аориста, получившего в латинском и древнеирландском языках вторичные модальные функции. В отличие от латинской и древнеирландских форм старославянский сигматический аорист глагола *ѣсъ, из-ѣсъ* «есть» имеет долгий корневой вокализм ($*ēd-s-$), совпадающий с вокализмом презенса *ѣмь* [18], от которого, по мнению Вяч. Вс. Иванова [10, с. 201], он образован.

Полная ступень корневого вокализма $*-e-$ налицо также в тех основах перфекта на $-sī$, которые содержат корень типа $-eT$, но не имеют соответствий в других языках: *cessī — cedō* «ступать» (и.-е. $*sed-$ «ходить»),

illexi (*laciō* «заманивать», корень **laqu-* «опутывать»), *gessi* (*gerō* «вести», корень **ges-*), *pressi* (*premō* «давить», корень **pre-m-*, **pr-es-*) и также в форме будущего времени, которую приводит как глоссу Фест [19, т. IV, с. 235, 99], — *insexi* «dixerit» (и.е. **seq^u* «говорить»).

Итак, сигматические основы глаголов I класса (корни типа *-eT*) имеют полную ступень вокализма (*-eT-s-*), которая обнаруживается как в формах перфекта на *-sī*, так и в формах сигматического будущего.

II класс. Корни типа *-eRT*

Iubeō, *iussī*, *iubēre* «побуждать, приказывать» (и.е. **iēudh-* «быть в напряженном движении»). По общепринятому мнению, корневой вокализм перфекта глагола *iubēre* на протяжении истории латинского языка менялся. В ранней латыни основа перфекта характеризовалась долгим *-ū-* и графически была представлена двумя вариантами — *ious-* и *iūs-* — в противоположность основе инфекта, имеющей краткое *-i-* (*iubē-*). На рубеже II и I вв. до н.э. корневой вокализм основы перфекта изменился под аналогическим влиянием огласовки *-i-* причастия *iussus*: *iūs-* → *iuss-*, и корневой вокализм *-i-* стал единым для всех форм глагола. Однако, что явилось причиной возросшего на рубеже II и I вв. до н.э. влияния причастия, вызвавшего аналогическое изменение вокализма перфекта, остается без объяснения.

Сопоставление форм латинского глагола *iubeō* и соответствующих им форм в других языках дает возможность иначе объяснить историю форм этого глагола. Написание формы презенса *ioubeatis* в надписи 186 г. до н.э. (CIL I² 581) и лексическое значение «приказывать» (=«заставить кого-то быть в движении») позволяет видеть в основе презенса *ioubē-* древнюю основу каузатива (**ioubēi^e/o-*), которой в древнеиндийском языке соответствует каузатив *yōdhayati* (и.е. **iōudhej^e/o-*) [12, с. 541]. Основа перфекта в надписях II в. до н.э. имеет следующую графическую фиксацию: *ious-*, *iūs-*, *iuss-* (*iussit* — CIL I² 478, 614, 1529; *iussissent* — 581; *iussisse* — 582; *iussit* — 633, 634, 636; *iuserunt* — 584; *iussit* — 2200). Написание *ious-* может указывать на дифтонг *-ou-* или на *-ū-*, поскольку монофтонгизация дифтонга *ou* > *ū* проходила в латинском языке в III—II вв. до н.э. При написании *iūs-* количественный признак гласного *-u-* не ясен (*iūs-* или *iis-*), т. к. геминированные согласные в надписях II в. до н.э. отмечаются еще весьма непоследовательно. Таким образом, в трех видах написания отражены два морфологических варианта основы перфекта *ious-* (*-iūs-*) и *iis(s)-*.

В варианте основы перфекта *ious-* (*-iūs-*) та же огласовка, что и в каузативной основе презенса *ioubē-*, и никаких соответствий вне латинского языка нет. Для второго же варианта основы перфекта *iis(s)-* имеется соответствие в ведийском языке в основе сигматического аориста медиального залога *yutsmahi* (Атхарваведа) с нулевой ступенью огласовки (корень **yudh-* «сражаться»; и.е. **iēudh-*). Наличие этого соответствия дает основание считать вариант основы латинского перфекта *iis(s)-* более древним и позволяет предполагать в архаическом периоде истории латыни соотношение каузативной основы презенса *ioubē-* и сигматической основы перфекта (=аориста) *iis(s)-* с нулевым вокализмом. Появление морфологического варианта основы перфекта *ious-* было связано, по всей вероятности, с общей тенденцией к выдвиганию презенса в центр глагольной системы и распространением вокализма презентной основы на другие основы. Морфологическая вариантность перфекта, возникающая как следствие объеди-

нения разновременных по происхождению форм, в дальнейшем была устаревана: утвердился более древний вариант основы перфекта *iuss-*, ставший нормой в классической латыни. Этому способствовала более высокая частотность перфекта глагола «приказывать», чем презенса. Так, у Плавта встречается 12 раз форма 3 л. ед.ч. презенса *iubet*, форма же перфекта *iussit* — 53 раза. Эта же высокая частотность перфекта и совпадение ступени его вокализма с вокализмом причастия *iussus* было причиной, надо думать, изменения корневого вокализма презенса под воздействием вокализма перфекта: *ioubē* → *iubē*. Так установилось соотношение основ инфекта и перфекта *iube-ō* — *iuss-ī* с одинаковой ступенью вокализма.

Dicō, dixī, dicere «говорить» (и.-е. **deik-* «показывать»). Перфект *dixī* считается вследствие совпадения его корневого вокализма *-ei-* (ср. *deixistis* CIL I, 586) с вокализмом древнегреческого сигматического аориста $\acute{\epsilon}\delta\epsilon\iota\chi\alpha$ одним из немногих латинских перфектов на *-sī*, которые восходят к и.-е. сигматическому аористу (**dēik-s-*) со ступенью продления (**ēi* > лат., греч. *-ei-*) [20, с. 557; 2, с. 217]. Однако некоторые особенности написания форм этого глагола в раннелатинских надписях заставляют пересмотреть вопрос о первоначальной ступени вокализма перфекта *dixī*.

В надписях II в. до н.э. и первой половины I в. до н.э. фонемы */i/* и */ī/* графически фиксировались по-разному: графическим знаком долгого */ī/* было *ei*, краткого */i/* — *i*. В надписях этого периода в формах глагола *dicō* наблюдается странное несоответствие. В формах, образованных от основы инфекта, долгое */ī/* регулярно передается через *ei* (*deic-*): ср., например, CIL I² 581: *exdeicendum, deicerent*. В формах же, образованных от основы перфекта, наблюдается двойное написание основы: *deix-* и *dix-*: CIL I² 586 *deixistis*; 582 *deixerit*; 825 *indeixit*, но CIL I² 584 *dixserunt*; 1211 *dixi* и рядом *deico*. Очевидно, что *deix-* и *dix-* представляют собой не графические варианты (в этом случае можно было бы ожидать аналогичные варианты написания основы инфекта), но свободные морфологические варианты основы перфекта: *dix-* (графически *deix-*) и *dix-*. Для того и другого варианта латинской сигматической основы есть соответствия в других языках: основа *dix-* соотносится в ведийском языке с основой сигматического аориста медиального залога $\acute{a}dikṣi$, $\acute{a}diṣṭa$, имеющей нулевой вокализм корня, основа же *dix-* — с древнегреческим $\acute{\epsilon}\delta\epsilon\iota\chi\alpha$. Следует принять во внимание, что в древнегреческом языке и.-е. сигматический аорист подвергся перестройке, и сформировался тип аориста на *-α-* с корневым вокализмом, идентичным, как правило, вокализму презенса — одна из самых значительных инноваций в древнегреческом языке. Тенденция к распространению вокализма презенса на другие основы глагола была и в латинском языке. Основа перфекта *dix-* с той же ступенью вокализма, как и в презенсе *dicō*, может быть более поздней, основа же *dix-* с нулевой ступенью вокализма — более древней.

Iungō, iūnxī, iungere «соединять» (и.-е. **jeug-* «соединять»). Вторичность назального инфикса в основе перфекта *iūnxī* и в причастии *iūnxus* предполагал Ф. Зоммер [20, с. 500], опираясь на сравнительный материал. Но и в самом латинском языке сохранилось образование, которое позволяет судить о более ранней форме перфекта этого глагола. Это наречие *iūxtā* (и *iūxtim*) «в близком соседстве, рядом», которое по происхождению представляет собой застывшую форму аблатива причастия **iūxtus* [21, с. 673], ср. подобные формы наречий *exploratō, meritō, rectā*. Но каково происхождение самого причастия **iūxtus*? Античные грамматисты сообщают о дублетных формах причастия перфекта у ряда латинских глаго-

лов. Так, Присциан [22, с. 488] отмечает причастия *fluctus* и *fluxus* от глагола *fluō*, причем указывает, что последнее возникло под влиянием основы перфекта *fluxi*. Имеющаяся уже на раннем этапе истории корреляция перфекта на *-xi* и причастия на *-tus* позволяет предполагать, что глагол *iungō* тоже имел дублетные формы причастия: *iu(n)ctus* и **iuxus* и что последнее было дополнительно маркировано суф. *-t-*: **iuxus* → **iurtus* (ср. варианты формы причастия *comēsus* и *comēstus* от глагола *comēdō*) [20, с. 609]. Сохранившаяся в виде наречия форма причастия *iārlā* свидетельствует, что перфект **iārlā* представлял собой первоначально независимое от презенса образование с нулевой ступенью огласовки корня (**iāg-s-*). Этой латинской основе перфекта **iāg-s-* соответствует в ведийском языке основа сигматического аориста медиального залога *ayukṣata* (Ригведа) *ayukṣitam* с той же нулевой ступенью вокализма корня. Архаичность формы *ayukṣata* подтверждается тем, что во всех трех случаях употребления в Ригведе она стоит в одной и той же метрической позиции в конце стиха [23, с. 215].

Verrō, verri (u versi), verrere «тащить по земле, мести» (и.е. **yers-* «тащить по земле»). Глагол *verrō* и его производные — *ēverriāe* «ритуальное очищение дома после выноса покойника», *ēverriātor* «человек, получивший наследство и обязанный выполнить обряд очищения дома покойного» — относятся к архаической культовой лексике древнего Рима. Глагол *verrō* широко использовался и в разговорном языке в значении «мести». В доклассической латыни глагол имеет огласовку *-o-* в основах инфекта и перфекта, например, в комедии Плавта «Стих» 389: *revorram hercle hoc quod conuorri modo* «снова подмету то, что только что подмел». По сообщению Сервия [22, т. II, с. 532], глагол *verrō* имел также форму перфекта на *-si* — *versī* (арх. *uorsī*). Известна также глосса *eversit: trazit vel vertat vel funditus movet* [24, т. V, с. 628]. Истолкование значения лат. *eversit* посредством трех различных глагольных форм — перфекта индикатива *trazit* «тащить», презенса конъюнктива *vertat* «поворачивать» и презенса индикатива *funditus movet* «основательно ворошить» — позволяет считать, что в *eversit* совпали формы 3 л. ед. ч. перфекта индикатива и сигматического будущего.

В научной литературе имеются два различных объяснения сигматической формы *versī*. Согласно распространенному мнению, сигматический перфект *versī* является более поздним образованием, чем корневой перфект *verri*. По предположению же Я. Сафаревича [25], в *versī* могла сохраниться основа сигматического аориста с нулевым вокализмом корня **yrs-s-*. Два факта подтверждают мнение Я. Сафаревича, один внутрилатинский, другой — сравнительно-исторический. По типу морфологической структуры форма *versī* (**yrs-s-*) стоит в одном ряду с другими формами сигматического перфекта от корней типа *-eRT*, имеющими нулевой вокализм корня: *iussī* (**judh-s-*), *dixī* (**dik-s-*), *iu(n)xi* (**jug-s-*). С другой стороны, правильность анализа здесь как **yrs-s-* и архаичность этой латинской основы подтверждаются тем, что ей соответствует в хеттском языке основа претерита глагола *ṣarṣ-* «стирать; снимать урожай» [26, с. 429], *ṣa-aṣ-ta* (**yrs(s)-s-to*). Таким образом, и морфологические, и функциональные характеристики, отмеченные глоссографом, позволяют видеть в перфекте *versī* след архаичного образования, которое восходит, по-видимому, к и.е. сигматическому аористу.

Rumpō, rūpī (u rupsit), rumpere «ломать, разрывать» (и.е. **reup-* «рвать, ломать»). Наличие в ранней латыни перфекта на *-si*, наряду с корневым перфектом *rūpī*, удостоверяет глосса Пластида *derupsit: dispersit* [24, т. V,

с. 16]. Сохранилась также форма сигматического будущего *rupsit* в тексте законов XII таблиц в обычном для форм сигматического будущего употреблении в придаточном условном предложении: VIII, 2 *si membrum rupsit* «если переломит (кому-то) член тела». Нет никаких оснований предполагать в форме *rupsit* долготу корневого гласного, как отмечается в словаре Вальде — Гофмана [27, т. 2, с. 451]; в этимологическом словаре Эрну — Мейе [28, с. 581] долгота не указывается. Эту сигматическую форму можно интерпретировать, как сохранившуюся в архаичной латыни форму сигматического аориста от и.-е. корня **reup-* «ломать» с присущим ему значением предшествования и морфологической структурой основы **rup-s-* с нулевым вокализмом. В древнеиндийском языке и.-е. корень **reup-* представлен двумя вариантами корнями — *rup-* и *lup-* «ломать». От корня *lup-* Уитни [29, с. 149] указывает, ссылаясь на индийских грамматистов, медиальную форму аориста на *-s-* — *alupta*, которая по морфологической структуре основы с нулевым вокализмом соответствует архаической латинской форме *rupsit* (**rup-s-*).

Ūrō, ussī, ūrere «жесть, гореть» (и.-е. **eus-* «гореть»). Это единственный во II классе глагол, имеющий в классической латыни различные ступени вокализма в основах инфекта и перфекта. Согласно установившейся в науке традиции, краткий вокализм в перфекте *ussī* объясняется влиянием причастия *ustus*, имеющего нулевой вокализм, свойственный и.-е. отглагольным прилагательным на **-to-* (ср. др.-инд. *uṣṭāb* «сожженный»). Однако краткий вокализм в *ussī* может быть исконным, как и в других формах перфекта на *-sī* II класса: *ussī, versī (vorsī)* и т. д. То, что сигматический аорист от корня **eus-* может считаться древним образованием, подтверждается тем, что в древнегреческом и в древнеиндийском языках соответствующие глаголы имеют сигматический аорист $\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ — $\epsilon\upsilon\sigma\alpha$, $\acute{o}\varsigma\alpha\tau\iota$ — $\acute{a}\upsilon\sigma\iota\tau$, но ни тот, ни другой не сохранили нулевого вокализма корня, как лат. *ussī* (**us-s-*): др.-греч. $\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ имеет ту же огласовку, что и презенс, др.-инд. $\acute{a}\upsilon\sigma\iota\tau$ — ступень врddхi, в языке зафиксирован, начиная с текстов Брахман [29, с. 13].

Таким образом, как латинский перфект на *-sī*, так и формы сигматического будущего ряда глаголов, содержащих корень типа *-eRT*, характеризуются нулевой ступенью корневого вокализма, и древность этого признака подтверждается соответствиями в хеттском и главным образом в ведийском языке в аористе на *-s-* медиального залога.

Исследование показывает, что совпадение вокализма перфекта на *-sī* и презенса возникло на протяжении истории латинского языка и является следствием определенных фонетических и морфологических процессов. У глагола *iubeō*: *iussī* более древнее соотношение презенса и перфекта было **ioubēō*: *iussī*. Возможно, что такое же соотношение каузативной основы презенса и сигматической основы перфекта (=аориста) с нулевым вокализмом было в архаическом периоде истории латинского языка у глагола *lucēre* «светить, быть светлым», имевшего в ранней латыни каузативное значение «зажигать» (ср. Плавт «Казина» стих 118), т. е. **loukeiō*: *luxī* (прямых свидетельств, подтверждающих долготу или краткость *-u-* в *luxī*, нет). В этом случае для той и другой латинской основы имеется соответствие в древнеиндийском языке: в каузативе *rocāyati* «делает освещенным» и аористе на *-s-* медиального залога с нулевым вокализмом корня *aructa* [29, с. 141]. У тех глаголов, у которых основа презенса образована с помощью назального инфикса, дополнительный признак этой основы — нулевая огласовка корня — совпала с нулевым вокализмом основы перфекта: *rumpō* (ср. др.-инд. *lumpāti*): *rupsit* (ср. др.-инд. *alupta*), *iungō*

(ср. др.-инд. *yunākti*) : *iu(n)xī* (ср. др.-инд. *ayukṣata*). У глагола *ūrō* : *ussī* на протяжении всей истории латинского языка сохранилось различие в вокализме презенса и перфекта.

III класс. Корни типа *-eR*

Единственный глагол этого класса, имеющий в классической латыни перфект на *-sī*, это *manēō, mānsī, manēre* «оставаться» (и.-е. **men-* «оставаться, ждать»). Считается, что нулевая огласовка *-an-* в перфекте *mānsī* объясняется аналогическим влиянием вокализма презенса *manēō*, и форма перфекта поэтому является новообразованием в латинском языке. Представляется, однако, что для исторически правильной интерпретации перфекта *mānsī* необходим дополнительный материал для сравнения, и его дают глоссы и формы сигматического будущего.

В собрании архаических глосс Псевдоплатона есть глосса, которая в кодексах имеет различное толкование: *delisit* : *delivit, inquinavit* и *delisit* : *deleverit, inquinaverit* [19, т. IV, с. 60, 35]. Интерпретация сигматической формы посредством будущего II обычна у глоссографов, толкование же с помощью формы перфекта индикатива встречается очень редко и восходит к более раннему источнику. Лексическое значение словоформы *delisit* поясняется двумя глаголами: *dēlēre* «стереть, уничтожить» и *inquīnāre* «измазывать, пачкать». Значения этих глаголов указывают на связь словоформы *delisit* с глаголом *linere* «мазать». Один из древних семантических контекстов употребления глагола *linere* и однокоренного существительного *littera* «буква» (и.-е. корень **lei-*) был связан с ситуацией письма: *littera* имеет первичное значение «намазанный, начертанный знак, буква»; причастие глагола *linere* с превербом *dē-* — *dēlitus* имеет значение «стертый» в сочетании *dēlitae litterae* «табличка со стертой записью». Это же значение «стер, уничтожил» имеет сигматическая форма *delisit*, включающая тот же преверб *dē-*. С точки зрения морфологии словоформа *delisit* примечательна тем, что этимологически связанная с глаголом *linō, lēvī* (*livī*), *linere*, она представляет собой автономное образование непосредственно от корня **lei-* «мазать», что не может не свидетельствовать об архаизме этого образования. Определить ступень корневого вокализма в изолированной форме *delisit* трудно, т. к. неизвестно количество гласного *-i-*: речь может идти и о нулевой ступени *-i-*, и о полной ступени *-ī-(<*ēi-)*.

Помимо перфекта на *-sī* (*mānsī*) и глоссы *delisit* «*delivit, inquinavit*» в раннелатинских текстах встречаются формы сигматического будущего от корней типа *-eR*. Это дошедшая как глосса Феста [19, т. IV, с. 397] — форма *surempsit* : *sustulerit* и формы *ambisset* и *ambissent* из комедии Плавта «Амфитрион» (стихи 69 и 71). Корневой вокализм словоформы (*sur-*) *emp-sit*, как и соответствующей ей в старославянском языке формы сигматического аориста *jesъ* от *jeŕi* «брать», не ясен, т. к. *-em-* (п ст.-слав. *-ѣ*) может быть рефлексом **em* или **m*. Что же касается форм *amb-isset, amb-issent*, имеющих значение «ображывать, домогаться» (и.-е. **ei-* «идти»), то написание с двойным *-ss-* свидетельствует о краткости *-i-*, т. е. налицо нулевая ступень вокализма корня **-i-*. Ту же нулевую ступень вокализма имеет соответствующая латинской форме *-isset* древнеумбрская сигматическая форма *-ise(t)* [30, 31], которая входит в состав энклитической группы *vaçetumise* «[если дело] идет к ошибке» (Игувинские таблицы Ib 8), ср. в умбрском языке формы того же глагола «идти» с полной ступенью вокализма *e* (**ei*): императив *etu, eetu*, будущее I *est, eest*. Нулевая ступень корневого вокализма в сигматических формах глагола «идти» позволяет

предполагать аналогичную структуру сигматических основ у глаголов, принадлежащих тому же классу (корень на *-eR*), вокализм которых не вполне ясен из-за возможности двойкой его интерпретации: (*dē-*)*līsīt* (основа *li-s*, и.-е. корень **lei-* «мазать»), (*sur-*)*empsīt* (основа **m(p)-s-*, и.-е. корень **em-* «брать»). К этому же типу сигматических основ с нулевым вокализмом корня **-R-s-* принадлежит также основа перфекта *mānsī* (основа **ml-s-*, и.-е. корень **men-* «оставаться, ждать», долгота *ā* в *mānsī* вторична). Вопрос вызывает, однако, отражение **ŕ* в виде *-an-* в отличие от обычного рефлекса **ŕ* и **m* в латинском языке: *-en-*, *-em-*. Для решения этого вопроса необходимо рассмотрение еще нескольких архаичных форм сигматического будущего, имеющих корень типа *-eR*, но иную морфологическую структуру основы.

Архаичный тип основ на *-eŕ-*

Есть несколько изолированных форм сигматического будущего, которые, совпадая по ряду формальных и функциональных признаков с другими формами сигматического будущего, отличаются от них тем, что имеют сигматический суффикс не *-s-*, но *-es-* или *-er-* (с переходом *-s-* в *-r-* по закону ротацизма). Они сохранились в ритуальных формулах обращения к богам, в архаичном законодательном тексте, а также в виде глосс. Это следующие словоформы: *adiūerit* (*iūvō*, *iūvī*, *iūvāre* «поддерживать, помогать»); *sierit* (*sinō*, *sivī*, *sinere* «допускать, позволять»); *monerint* (*monēō*, *monū*, *monēre* «напоминать, указывать») и глосса Феста [19, т. IV, с. 460] *uallesit* «perierit» «погибнет».

Единого объяснения этих словоформ нет. Гласный элемент *-e-* в каждой словоформе объясняется по-разному при полном несопадении взглядов ученых. Так, словоформа *adiūerit* считается одними исследователями по происхождению формой конъюнктива сигматического аориста от и.-е. корня **ioua-* и гласный *-e-* перед *-r-(*-s-)* рассматривается как рефлекс и.-е. **ə* [32, с. 225; 20, с. 581], другие же ученые видят в *adiūerit* и также в *sierit* правильные формы будущего II или конъюнктива перфекта, образованные от основ перфекта *iūv-ī*, *si-ī* — морфологических вариантов основ *iūv-ī*, *siv-ī* [12, с. 596; 33, с. 264]. В словоформе *monerint* элемент *-e-* считается многими учеными по происхождению конечным гласным каузативной основы **moni-* (вариант основы **monēi-*), который перед ротацистическим *-r-* закономерно изменился в *-e-* [32, с. 202; 20, с. 581; 33, с. 274; 34]. М. Лойман же считает *monerint* окказиональным образованием, возникшим по образцу формы *adiūerit* в сходном семантическом контексте [12, с. 596]. Словоформа *uallesit* сопоставляется с формами типа *prohibēssit* (глагол *prohibēre*), т. е. предполагается форма **uallēssit*, и в *-e-* видят основообразующий гласный *-ē-*, хотя глагола **uallēre* в латинском языке нет [20, с. 587; 28, с. 729].

Представляется возможным дать единое объяснение этих сигматических форм, предварительно рассмотрев каждую словоформу отдельно.

Словоформа *adiūerit* встречается в комедии Плавта «Канат» (305) в формуле обращения к богине: *Venerem ... ueneremur bonam ut nos... adiūerit* «Будем молить милостивую Венеру, чтобы помогла нам». По виду употребления *adiūerit* относится к сигматическим образованиям типа *faxit*, и это позволяет предполагать, что *adiūerit*, как и *faxit*, стоит вне системы форм инфекта и перфекта, но представляет собой корневое образование. В этимологических словарях Покорного и Вальде — Гофмана [14, с. 508; 27, т. I, с. 736] латинский глагол *iūvō* «помогаю» сопоставля-

ется с древнеиндийским глаголом *yuyóti* «держит вдалеке» и намечается путь семантического развития, который позволяет соединить значения этих глаголов: «держит вдалеке > оберегает > помогает». Если это сопоставление верно, то лат. *iuvō*, как и др.-инд. *yuyóti*, содержит и.-е. апит-корень **ieu-*, и в словоформе *adiuerit* можно видеть корневое образование с нулевым вокализмом корня и суф. **-es-* (**iu-es-*). В ведийском латинскому (*ad-*)*iuerit* соответствует по вокализму сигматический аорист медиального залога *yusmahi* (Атхарваведа), отличающаяся формой суф. **-s-* от лат. **-es-*. Но совпадение нулевой ступени вокализма корня в латинской и ведийской сигматических формах может свидетельствовать о глубоком архаизме этого признака.

Sinō, *sivī*, *sinere* «допускать, позволять» (и.-е. **sei-* «ослаблять, отпускать»). В законах XII таблиц встречается форма *sierit* в придаточном относительном предложении (VIII, 22): *Qui se sierit testarier* «Кто согласится быть свидетелем...» М. Лойман [12, с. 600] сопоставляет *sierit* с плаватовской формой *siveris* и считает их дублетными формами, образованными от двух вариантов основы перфекта *siv-ī* и *si-ī*. Однако в ранней латыни эпохи Плавта области распространения перфекта на *-ivī* и на *-ī* были четко разграничены: только перфект глагола *eō* «иду» имел форму *īī*. Остальные первичные глаголы имели перфект на *-ivī* (*sciō* — *scīvī*, *clēō* — *civī*, *sinō* — *sivī*) [20, с. 566; 33, с. 271]. Форма перфекта *sīī* впервые зарегистрирована у Теренция, и в классической латыни *sīī* становится нормой. Поэтому трудно допустить, что в таком раннем тексте, как законы XII таблиц, могла быть форма от основы *si-ī*; более вероятно, что *sierit* представляет собой архаичное сигматическое образование того же типа, что и *ad-iuerit*, с нулевым вокализмом корня и суф. *-es-* (**si-es-*).

Среди архаичных сигматических форм есть одна форма, которая отличается графической презентацией сигматического суффикса. Это глосса Феста [19, т. IV, с. 465]: *vallesit* : *perierit*, *dictum a vallo militari*, *quod fit circa castra*, *quod qui eo eiciuntur pro perditis habentur* «Слово *vallesit* „погибнет“ происходит от *vallum* „вал“, который окружает военный лагерь, поскольку те, кто за вал выходят, считаются погибшими». Принятому толкованию глоссы *vallesit* как формы сигматического будущего типа *prohibēssit*, т. е. **vallēssit*, противоречит не только незафиксированность глагола **vallēre* в латинском языке, но и тот факт, что при наличии двойного *-ll-* в написании словоформы отсутствует двойное *-ss-*, которое налицо во всех формах типа *amāssit*, *prohibēssit*. Между тем есть основание предполагать, что двойное *-ll-* в словоформе является позднейшей вставкой глоссографа, необходимой для толкования *vallesit* посредством слова *vallum*, что явно относится к области народной этимологии [27, т. 2, с. 729; 28, с. 712]. Известно, что такие приемы использовались в античной филологии [21, с. 126]. В этом случае первоначальной формой была **vallesit*.

Ничто не препятствует отнести словоформу *val(l)esit* к ряду сигматических форм *ad-iuerit* (**iu-es-*), *sierit* (**si-es-*) и видеть в ней сигматическую основу от корня **g^u-el-* «колоть, умирать» [14, с. 471] с нулевым корневым вокализмом и суф. **-es-*, т. е. **g^u-l-es-*¹ > лат. *valet-it*, в которой интер-

¹ Точнее, это основа с редуцированной ступенью огласовки корня **g^u-ll-es-*, но ради удобства сопоставления латинских форм с соответствующими формами в других языках в данной работе противопоставляются только полная и нулевая ступени огласовки.

вокальное -s- еще не подверглось ротацизму, как, например, в глоссе Феста *astasent* [35]. Вальде и Гофман, Покорный, Льюис и Педерсен [27, т. 2, с. 729; 14, с. 471; 17, с. 400] сопоставляют лат. *vallesit* с древнеирландским глаголом *at-bail* «умирает». Возможно, что не только общность и.-е. корня **g^uel-* «колоть, умирать» объединяет лат. *val(l)esit* «погибнет» и древнеирландский глагол *at-bail* «умирает». Если верно предположение К. Уоткинса [3, с. 124] о происхождении древнеирландского претерита на -t- из и.-е. сигматического аориста, то латинской сигматической основе **g^ul-es-* словоформы *val(l)esit* соответствует по вокализму основа претерита этого древнеирландского глагола *at-ru-balt* (**g^ul-s-*) [17, с. 400]. Но при совпадении ступени корневого вокализма эти основы расходятся в форме сигматического суффикса: лат. *-es- — др.-ирл. *-s-. Подобное соотношение было отмечено выше между основами латинской словоформы *ad-ierit* (**iū-es-*) и ведийского сигматического аориста *yusmahi* (**iū-s-*).

Таким образом, в архаичной глоссе Феста *vallesit* «perierit» сохранилась единственная в латинском языке сигматическая форма, суффикс которой -es- представлен в своем первоначальном виде без изменения *s > r*.

Moneō, monuī, monēre «напоминать, указывать» (и.-е. **men-* «думать»). Словоформа *monerint* встречается в тексте формулы благословения, которую приводит Варрон в трактате «О латинском языке» (7, 102): *di monerint meliora atque amentiam averruncassint tuam* «да напомнят боги о лучшем и отвратят твоё безумие». Форму 2 л. *moneris* с интерпретацией «*moneris pro monueris*» приводит Ноний [36], подтверждая ее цитатой из Пакувия: *dic quid faciam, quod me moneris, effectum da* «Скажи, что мне делать: то, что мне укажешь, дай выполнить». Употребление формы *moneris* в придаточном относительном предложении в функции выражения предшествования соответствует обычному типу употребления форм сигматического будущего в ранней латыни.

По своему значению «напоминать, указывать» формы *moneris, mone-rint* совпадают со значением каузативного глагола *moneō*, но морфологически стоят вне системы форм инфекта и перфекта этого глагола. Наибольшее признание получило объяснение этих форм, данное Р. Турнайзеном [32, с. 202]. Он считал форму *moneris* по происхождению опативом сигматического аориста, образованного от варианта основы презенса **moni-* глагола *moneō* (**monej-ō*). От этого варианта презентной основы **moni-*, по мнению Турнайзена, было образовано причастие *monitus* и сигматический аорист **moni-s- > moner-is*.

Однако функциональное и структурное сходство словоформы *moneris* с формами *ad-ierit, sierit, val(l)esit* позволяют видеть в *moneris* тот же тип основы с суфф. *-es- и первоначально с нулевой огласовкой корня. Поскольку **r* отражается в латинском языке в предвокалической позиции в виде -en- или -an- [20, с. 45], то огласовку -on- словоформы *moneris* следует признать вторичной, возникшей под влиянием огласовки каузативного презенса *moneō*, с которым в плане содержания соприкасался сигматический аорист с присущим ему каузативным или транзитивным значением [37]. Если такое предположение верно, то первоначальной основе **m^u-es-* словоформы *moneris* соответствует по вокализму в ведийском основа сигматического аориста медиального залога от того же и.-е. корня **men* «думать» *masiya* (Ригведа) (основа **m^u-s-*). Возможно, что для латинского *moneris* (**m^u-es-*) обнаруживается соответствие в основе претерита хеттского глагола спряжения на -*hi mema-* «говорить», *me-mi-iš-ta* [*memesta*] (основа **me-m^u-es-*). В интерпретации хеттского [*memesta*] как

формы, характеризующейся редупликацией, нулевой огласовкой корня и суф. *-es-*, мы следуем Х. Педерсену [38]².

Итак, общей характеристикой сигматических форм 3-го класса (корни типа *-eR*), относящихся к обоим морфологическим разрядам — перфекту на *-sī* и сигматическому будущему, — является нулевой вокализм корня. Однако в структуре основы форм того и другого разряда полного совпадения нет, т. к. в формах сигматического будущего представлены два типа основ: 1) *-R-s-* [например, *amb-iss-et*, умб. *-ise(i)*] и 2) *-R-es-* (например, *ad-iaerit*), в формах же перфекта на *-sī* находим только тип основы *-R-s-* (*mansī, delisī*). Тот факт, что параллельные основы на **-s-* и **-es-* представлены только в формах сигматического будущего, находящихся на периферии системы форм латинского глагола и потому в меньшей степени подверженных изменениям под давлением системы, позволяет считать образование на **-es-* архаизмом в латинском языке. Тип основы *-R-s-* по всей вероятности, более поздний. Форму перфекта *mansī*, в которой вокализм *-an-* был бы закономерен в предвокалической позиции, можно рассматривать как результат происшедшей в перфекте на *-sī* унификации алломорфа суф. **-s-* при сохранении прежнего вокализма *an-* (более ранняя основа **mṇ-es- > -man-es- → man-s-*).

Таким образом, в латинском языке в синхронии отражены две разные исторические модели: *R-s-* и *-R-es-*, из которых вторая относится к более раннему этапу дописьменной истории латинского языка. Это предположение подкрепляется распространенностью в индоевропейских языках типа основы *-R-s-*, что обнаруживается и в том, что латинским основам типа *-R-es-* соответствуют в ведийском и в древнеирландском языках основы на *-R-s-*, и только в хеттском языке тип основы *-Res-* сохранился в формах 3 л. претерита некоторых глаголов спряжения на *-hī*.

IV класс. Долговокалические корни

Единственная в латинском языке сигматическая форма, относящаяся к 4-му классу, это сохранившаяся как глосса Феста [19, с. 123, 24] словоформа *astasent* «statuerunt» (и.-е. **sthā-* «стоять»). Полное морфологическое и семантическое сходство этой латинской формы с древнегреческим сигматическим аористом 3 л. мн. ч. *ἔστησαν* «поставили» (**sthā-s-nt*) позволяет видеть в лат. *astasent* уцелевшую в собраниях архаических глосс форму сигматического аориста. Эта словоформа свидетельствует, что на раннем этапе истории латинского языка сигматический аорист еще сохранил статус автономной морфологической категории с окончанием 3 л. мн. ч. **-s-nt* в отличие от окончания 3 л. мн. ч. перфекта **-r...* и что на этом этапе еще не было ограничения в образовании сигматического аориста только от консонантных в исходе корней, как это установилось в латинском перфекте на *-sī*.

Другой тип основы сигматического аориста от и.-е. корня **sthā-* представлен формой *ἔστησε* «поставил» в новофригийском языке. Хотя новофригийский язык отделен от древнефригийского более чем полутысячелетием, но формульный характер новофригийских надписей и свойственный им консерватизм способствовали сохранению более раннего состояния языка, в частности, стабильности гласных фонем /a/ и /e/ [40]. Это

² Интенсивную редупликацию в хеттском глаголе *meta-* видит также Дж. Ясапофф [39]; иначе объясняет происхождение этого глагола и гласный *-e-* перед *-s-* Н. Эттингер [26, с. 71, 486]. См. также об этом глаголе в работе Вяч. Вс. Иванова [10, с. 172].

позволяет видеть в н.-фриг. $\epsilon\sigma\tau\alpha\epsilon\varsigma$ морфологическую структуру подобную др.-фриг. $\epsilon\delta\alpha\epsilon\varsigma$ с нулевым вокализмом корня и суф. $-\epsilon s$. В таком случае соотношение двух типов основы сигматического аориста от н.-е. корня $*sth\bar{a}$ - I. $*sth\bar{a}$ -s- (др.-греч. $\epsilon\sigma\tau\alpha\sigma\epsilon\iota$, лат. *a-stasent*) и II. $*sth\bar{a}$ -es- (фриг. $\epsilon\sigma\tau\alpha\epsilon\varsigma$) параллельно тому соотношению, которое было реконструировано Ф. Бадер [8, с. 33] на материале форм сигматического аориста от н.-е. корня $dh\bar{e}$ - «класть»: I. $*dh\bar{e}$ -s (вед. *dhās*, мессап. *hi-pa-des*) и II. $*dh\bar{e}$ -es (хет. *daiš*, др.-фриг. $\epsilon\delta\alpha\epsilon\varsigma$)³.

Совпадение функций глагольных форм с суф. $*-s$ - и $*-es$ - дает основание видеть в них два алломорфа суффикса сигматического аориста. Оба вида основы на $*-es$ - — с сонантным корнем типа $-eR$ и с долговокалическим корнем — характеризуются нулевой ступенью вокализма корня, и в этой закономерности строения основы: нулевая ступень огласовки корня и полновокалический суф. $*-es$ -, обнаруживается древнее аблаутное правило сочетаемости морфем в сопряженной основе, детально исследованное в книге Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [42].

Итак, исследование корневого вокализма сигматических образований глагола в латинском языке показывает, что ступени огласовки одинаковы у форм обоих морфологических разрядов — перфекта на $-s\bar{i}$ и сигматического будущего. Имеющиеся различия в вокализме связаны не с принадлежностью форм к тому или другому морфологическому разряду, но определяются структурой глагольного корня. Выявилась следующая зависимость:

Корень	Сигматическая основа		Образец	
$-eT$	$-eT$ -s-	$*klep$ -	«воровать»	<i>clepsī</i>
$-eRT$	$-RT$ -s-	$*jeudh$ -	«приказывать»	<i>iussi</i>
$-eR$	1. $-R$ -s-	$*ei$ -	«идти»	<i>amb-isset</i>
	2. $-R$ -es-	$*ieu$ -	«охранять»	<i>ad-iuerit</i>
$-eH$	1. $-eH$ -s-	$*sth\bar{a}$ -	«стоять»	<i>a-stasent</i> ,
	2. $-H$ -es-		фриг. $\epsilon\sigma\tau\alpha\epsilon\varsigma$	

Общность структурных признаков основы и совпадение ступеней корневой огласовки форм перфекта на $-s\bar{i}$ и сигматического будущего подтверждают гипотезу об их генетическом единстве, позволяя считать, что латинское сигматическое будущее так же восходит к сигматическому аористу, как и перфект на $-s\bar{i}$. Единственный морфологический признак, по которому они различаются, это — ряды окончаний: окончания перфекта у одних, и флексия, включающая показатель опитатива $*-i$ -, у других. Есть основания считать, что тот и другой ряд окончаний являются результатом перестройки всей системы латинского глагола, вызванной слиянием перфекта и сигматического аориста и процессом реинтерпретации сигматического элемента. Этот вывод, к которому приводит сравнительно-историческое изучение латинского материала, согласуется с общим выводом Г. Шмидта [9, с. 58], что с формальной стороны нет оснований для отделения н.-е. аориста на $-s$ - от н.-е. будущего на $-s$ -.

Зависимость ступеней корневого вокализма сигматических форм глагола от структуры корня, достаточно сохранившаяся в латинском языке, оказывается сходной с закономерностями вокализма медиальных форм сигматического аориста в ведийском языке: полная ступень огласовки при корне $-eT$, нулевая при корне $-eRT$ и у некоторых корней типа $-eR$, полная или нулевая ступень при долговокалическом корне. Целый ряд соответствий латинским сигматическим формам в ведийском языке под-

³ Иное объяснение $\epsilon\delta\alpha\epsilon\varsigma$ дают Л. С. Баюн и В. Э. Орел [41].

тверждает это сходство. Тот факт, что в веди́йском языке это формы медиального залога, а в латинском — формы активного залога, можно интерпретировать как свидетельство первоначальной индифферентности сигматического аориста к выражению залоговых противопоставлений. В тех языках, где сигматический аорист имеет формы активного и медиального залогов, как в древнегреческом и индоиранских языках, это противопоставление более позднего происхождения и возникло под влиянием системы «презент: претерит (= корневой аорист)». Соответственно более поздней является ступень продолжения огласовки корня, утвердившаяся в формах активного залога в индоиранских и старославянском языках. Медиальный же вокализм, сохранившийся в веди́йском сигматическом аористе и достаточно в латинских сигматических образованиях глагола, — вокализм, определяемый структурой глагольного корня, — является более ранней характеристикой н.-е. сигматического аориста.

В группе глаголов, имеющих корень типа *-eR* (**ie* «держать вдали, помогать», **men-* «думать»), латинским архаичным основам на **-es-* соответствуют в веди́йском языке основы сигматического аориста, тождественные по вокализму корня, но с суф. **-s-*. Отсутствие основ сигматического аориста на **-es-* в большинстве н.-е. языков, возможно, объясняется изначально разной степенью устойчивости основ на **-s-* и **-es-*. Отсутствие какой бы то ни было вариантности в основах на **-s-* с корнем типа *-eT*, *-eRT*, *-eH* (основы *-eT-s-*, *-RT-s-*, *-eH-s-*) способствовало устойчивости этого типа сигматического аориста. Эта устойчивость обнаруживается в том, что в разных языках наблюдается тенденция к образованию сигматического аориста на **-s-* преимущественно от консонантных корней со смычным согласным в исходе (корни типа *-e(R)T*) и от вокалических корней, так в древнеиндийском языке [23, с. 22]; та же тенденция привела в латинском языке к ограничению в образовании перфекта на *-si* лишь от консонантных корней типа *-e(R)T*.

Напротив, в основах на **-es-*, включающих сонантный корень типа *-eR* в нулевой ступени огласовки, изначально имела место вариантность, обусловленная различной реализацией нулевой ступени корня в зависимости от слоговой структуры основы, от наличия преверба (основы *-R-es-* или *-RR-es-* по закону Зиверса). Эта вариантность основ на **-es-* могла быть одной из причин исчезновения их в н.-е. языках.

Сохранившиеся в отдельных индоевропейских языках такие характеристики сигматического аориста, как 1) зависимость ступени корневого вокализма — полной или нулевой — от структуры корня, 2) наличие двух алломорфов суф. **-s-* и **-es-*, 3) сочетаемость ступеней вокализма корня и суффикса в сопряженной основе позволяют видеть в сигматическом аористе архаичную морфологическую категорию индоевропейского глагола, получившую, однако, распространение в позднем общиндоевропейском и в отдельных языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семе́ренъ О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 301.
2. Rix H. Historische Grammatik des Griechischen. Darmstadt, 1976.
3. Watkins C. Indo-European origins of the Celtic verb. I: The sigmatic aorist. Dublin, 1962.
4. Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
5. Kurylowicz J. Problèmes de linguistique indo-européenne. Wrocław, 1977. P. 79.
6. Schmidt G. Lateinisch *amāvi*, *amasti* und ihre indogermanische Grundlagen. // Glotta, 1985. Bd. 63. Hf. 1—2. S. 57.

7. *Strunk K.* Flexionskategorien mit akrostatischem Akzent und die sigmatischen Aoriste // Grammatische Kategorien: Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft / Hrsg. von Schlerath B. Wiesbaden, 1986.
8. *Bader F.* Flexions d'aoristes sigmatiques // Etrennes de septantaine: Travaux de linguistique et de grammaire comparée offerts à M. Lejeune. P., 1978.
9. *Schmidt G.* Zum indogermanischen s-Futur // O-O-PE-RO-SI: Festschrift für E. Risch zum 75. Geburtstag / Hrsg. von Etter A. B.; N. Y., 1986.
10. *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
11. *Burrow T.* The Sanskrit precative // Asiatica: Festschrift Fr. Weller. Leipzig, 1954. P. 40.
12. *Leumann M.* Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1977.
13. *Benveniste E.* Les futurs et subjunctifs sigmatiques du latin archaïque // BSLP, 1922. T. 23. P. 37.
14. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B., 1959.
15. *Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891. S. 323.
16. *Krause W., Thomas W.* Tocharisches Elementarbuch. Heidelberg, 1960. S. 247.
17. *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
18. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 259.
19. *Glossaria latina. V. 1—V.* / Ed. Lindsay W. M., Moyntford J.-F., Whatmough J., Rees F., Weiz R. P., 1926—1931.
20. *Sommer F.* Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1914.
21. *Lindsay W. M.* Die lateinische Sprache / Übersetzung von Nohl H. Leipzig, 1897.
22. *Grammatici latini / Ex recensione Keilii H. V. I—VI.* Lipsiae, 1857—1868.
23. *Narten J.* Die sigmatischen Aoriste in Veda. Wiesbaden, 1964.
24. *Corpus glossariorum latinorum. Bd. I—VI* / Ed. Goetz G. Lipsiae, 1888—1923.
25. *Safarewicz J.* Historische lateinische Grammatik. Halle, 1969. S. 226.
26. *Oettinger N.* Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979.
27. *Walde A., Hofmann J.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd 1—2. Heidelberg, 1938—1954.
28. *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4. éd. P., 1959.
29. *Whitney W. D.* The roots, verb-forms and primary derivatives of the Sanskrit language. Leipzig; London, 1885.
30. *Vetter E.* Handbuch der italischen Dialekte. Heidelberg, 1953. S. 262.
31. *Untermann J.* Forschungsbericht. Die Iguvinischen Tafeln // Kratylos. 1960. Jg V. Hf. 2. S. 118.
32. *Thurneysen R.* Inschriftliches // KZ. 1897. Bd 35.
33. *Тронский И. М.* Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.
34. *Narten J.* Zur Flexion des lateinischen Perfekts // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1973. Bd 31. S. 140.
35. *Radke G.* Archaisches Latein. Darmstadt, 1981. S. 46.
36. *Nonius Marcellus.* De compendiosa doctrina. / Ed. Lindsay W. M. Lipsiae, 1903. S. 507.
37. *Ходорковская Б. Б.* К проблеме индоевропейского сигматического аориста (Вопросы семантики) // ВЯ. 1983. № 6. С. 25.
38. *Pedersen H.* Hethitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938. S. 95—97, 116.
39. *Jasanoff J.* The position of the *hi*-conjugation // Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979. S. 89.
40. *Brizhe C.* Epigraphie et grammaire du phrygien: état present et perspectives // Le lingue indoeuropee di frammentaria attestazione. Pisa, 1983. P. 110.
41. *Баян Л. С., Орел В. Э.* Язык фригийских надписей как исторический источник. 1 // ВДИ. 1988. № 1.
42. *Гамкрелдзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 1. Тбилиси, 1984. С. 223—226.